

Научная статья

УДК 81.139

DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-318-331

**Нормы лингвоэстетики
советской и постсоветской детской прозы**

Мария Ивановна Киосе

Московский государственный лингвистический университет
Москва, Россия

Институт языкознания Российской академии наук
Москва, Россия

maria_kiose@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

Аннотация

Язык детской прозы рассматривается как социально-институциональная норма, диктуемая лингвоэстетическими установками эпохи. Языковые средства выразительности, выступающие показателями лингвоэстетических установок, исследуются в произведениях двух исторических эпох: советской (издания конца 1950-х – начала 1980-х гг.) и постсоветской (издания, вышедшие после 2000 г.). Обнаружены установки на игру с именами собственными и на вариативность в выборе тропов и переключений коммуникативного регистра, которые проявляются в произведениях постсоветского периода. Наличие данных установок даже на ограниченном языковом материале позволяет утверждать, что не только особенности конструирования художественного мира, но и нормы лингвоэстетики в детской литературе подверглись изменениям.

Ключевые слова

лингвоэстетика, советская детская литература, постсоветская детская литература, детская проза, эстетическая функция, лингвостилистика, лингвоэстетические установки

© Киосе М. И., 2023

eISSN 2307-1753

Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 318–331

Critique and Semiotics, 2023, no. 1, pp. 318–331

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН

Для цитирования

Киосе М. И. Нормы лингвоэстетики советской и постсоветской детской прозы // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 318–331. DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-318-331

Linguaesthetic Norms of Soviet and Post-Soviet Children Prose

Maria I. Kiose

Moscow State Linguistic University
Moscow, Russian Federation

Institute of Linguistic of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

maria_kiose@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7215-0604>

Abstract

The article explores the language of children's prose as a social and institutional norm controlled by the aesthetic directives of a historical epoque. It studies the stylistic means which manifest these linguaesthetic norms in the recommended and highly-rated Soviet (issued in 1950s – 1980s) and post-Soviet prose (issued after 2000). The research is based on 12 short stories and novels and allows identify the linguaesthetic norms which give evidence of the aesthetic changes in children's realistic prose. These include onomasiology games, as well as the higher variance in the authors' use of tropes and register shifts which appear in post-Soviet prose. These differences although revealed as tendencies, suffice to claim that apart from the new models of fiction world construal which have appeared in post-Soviet children's literature, we observe the wholly new linguaesthetic norms.

Keywords

linguaesthetics, Soviet children literature, post-Soviet children literature, children's prose, aesthetic function, linguostylistics, linguaesthetic norms

Acknowledgements

The research is financially supported by the Russian Science Foundation, project no. 19-18-00040 and is carried out in the Institute of Linguistics RAS

For citation

Kiose M. I. Linguaesthetic Norms of Soviet and Post-Soviet Children Prose. *Critique and Semiotics*, 2023, no. 1, pp. 318–331. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1753-2023-1-318-331

Лингвоэстетика и детская литература Вступительные замечания

Как известно, одной из основных функций детской литературы (как и литературы в целом) является эстетическая функция, которая подразумевает не только конструирование художественного мира, но и использование яркой и выразительной художественной речи [Детская литература, 2008]. В научной литературе выбор способов «создания» художественных миров и выбор языковых средств выразительности чаще показаны как определяемые социальными установками эпохи или литературно-эстетическими установками. Так, например, анализируя изменения эстетической парадигмы, последовавшие в советской литературе в 60-е гг. XX в., И. Бернштейн указывает на то, что ее источниками стали «демографические или социальные подоплеку» [Бернштейн, 2016, с. 110]. Сходной позиции придерживаются и другие исследователи детской литературы. Характеризуя отечественную детскую литературу периода 1960–1980-х гг., Л. В. Долженко [2010] указывает на две литературно-эстетические установки, которые определяют выбор языковых средств; это установки на реалистичность и на комичность, что свидетельствует о вторичном характере языковых особенностей по отношению к жанровым и художественно-событийным. Притом что выбор языковых средств выразительности действительно во многом определяется жанровыми, литературно-художественными, индивидуально-авторскими установками, мы полагаем, что он может играть и самостоятельную роль в формировании эстетических норм. Как известно, в лингвофилософских учениях Г. Шпета и Р. Якобсона поэтическая функция языка (или его эстетическая функция), реализуемая в языке, называется определяющей функцией художественного текста (не будучи при этом его единственной функцией) [Шпет, 1922 (2007); Якобсон, 1975]. В научной поэтике используются разные способы оценки поэтичности произведения – от анализа «суммы приемов» в ранних формалистских концепциях до анализа моделей лингвокреативности в современных лингвоэвристических концепциях [Ирисханова, 2013; Лингвокреативность..., 2021]; однако в основании оценки в любом случае лежат отношения эволюционного и стандартного, новаторского и узувального, креативного и некреативного (см. [Фещенко, Коваль, 2014]) в выборе и в комбинации языковых средств, т. е. в том, что Р. О. Якобсон назвал «эквивалентностью» в поэтике текста [Якобсон, 1975, с. 204]. Среди средств языковой выразительности решающая роль отводится именно сло-

ву и – через слово – лексическому уровню языка. Так, рассуждая о генезисе и традициях в использовании языковых средств выразительности в творчестве русских и зарубежных поэтов и прозаиков и сравнивая создаваемые в них поэтические образы, например образ Наполеона у Тютчева и Гейне, Ю. Н. Тынянов пишет о значимости «словесного образа» в художественной литературе, который способен трансформировать художественный стиль, например, придавая ему черты архаичности или комичности [Тынянов, 1977, с. 32].

Можно предположить, что в произведениях детской литературы, как и в литературе, ориентированной на взрослого читателя, выбор слова определяется не только литературно-художественным замыслом произведения, но и нормами лингвоэстетики определенного культурно-исторического периода. Верификации этой гипотезы и посвящено данное исследование.

Процедура анализа и предварительные наблюдения

Безусловно, лингвоэстетические нормы текстов даже одного периода демонстрируют значительные различия, поэтому для проверки высказанного предположения привлечены произведения, сходные в жанрово-стилистическом, идеологическом оформлении и ориентированные на один возраст читателя. Для анализа отобраны «рейтинговые» тексты для среднего школьного возраста, среди которых – произведения, включенные в списки рекомендуемой литературы (произведения советского периода), получившие национальные литературные премии или созданные писателями – лауреатами национальных премий (произведения постсоветского периода). Тексты демонстрируют сходные нарративные характеристики (отобраны начальные сюжетно завершенные фрагменты произведений), сходные жанровые характеристики (реалистические рассказы и повести), сходные сюжетно-тематические линии (бытовые отношения детей и взрослых). При этом во фрагментах присутствует некоторая жанровая вариативность (в ряде произведений проявляется влияние комического жанра), также диапазон возрастной адресации произведений демонстрирует варьирование, хотя произведение в целом ориентировано на указанную возрастную группу. Такая вариативность (избежать ее не представляется возможным) позволяет предложить объяснение причин увеличения или снижения лингвоэстетического потенциала дискурса. Анализу подвергаются начальные сюжетно завершенные фрагменты повестей или целые короткие рассказы советской эпохи: «Новенькая» Л. Пантелеева (1956),

«Райкины пленники» Ю. Сотника (1956), «Разноцветная история» В. Железникова (1960), «А Воробьев стекло не выбивал» Ю. Яковлева (1972), «Дым в рюкзаке» В. Медведева (1974), «Журавленок и молнии» В. Крапивина (1981). Для анализа были также отобраны шесть начальных фрагментов произведений постсоветской эпохи: «Свидание с птицей» Т. Толстой (2007), «Начальник» Е. Гришковца (2007), «Слева от солнца» О. Раина (2008), «Манюня» Н. Апгарян (2010), «Где нет зимы» Д. Сабитовой (2011), «Время всегда хорошее» А. Жвалевского и Е. Пастернак (2018).

Для выбора лексических средств выразительности, которые должны быть подвергнуты оценке как формирующие лингвоэстетику произведения детской литературы, мы обратились в первую очередь к работам по лингвостилистике русского языка (см. [Крысин, 2000; Москвин, 2007] и др.), а также к работам, в которых данные средства исследуются в текстах детской литературы (см. [Костина, 2007; Детская литература сегодня, 2010; Карпухина, 2015] и др.). В ходе анализа использовался метод ручного аннотирования и параметрического анализа [Лингвокреативность..., 2021], который заключался в разметке средств выразительности и в последующем контрастивном анализе распределения активности (частотности) этих средств. При определении объема аннотируемого материала повестей мы ориентировались на завершенность текстового эпизода и одновременно на сопоставимый по объему материал (15–20 тысяч знаков). К анализу привлечены только те языковые средства, которые использовались часто, так как анализ единичных употреблений не позволит считать полученные данные репрезентативными.

Так, частотным является использование стилистических тропов, во многих случаях они организуют пространство всего художественного текста. Например, рассказ Ю. Яковлева «А Воробьев стекло не выбивал» построен на поэтической метафоре «Ребенок как исторический персонаж»; для ее реализации используются разные типы лингвистических метафор [Москвин, 2007] для наименования главного персонажа, Семина. Это субстантивная метафора *Марк Порций Катон Старший* в «Понятно, – ответил *Марк Порций Катон Старший*» или «И мой друг, не моргнув глазом, ответил: – *Марк Порций Катон Старший*» или *упрямый римлянин* в «Кому прикажешь верить? – Мне! – приказал *упрямый римлянин*» (Ю. Яковлев), глагольная *приказал* (см. пример выше) или фразовая *А Воробьев стекло не выбивал*. Реплика *А Воробьев стекло не выбивал* вводится в текст в неизменном виде в составе речи главного персонажа десять раз, еще много раз в рассказе используется повтор ключевых слов реплики.

Также достаточно часто встречаются новации в использовании имен собственных. Притом что разные типы онимов действительно очень характерны именно для детской литературы (в большинстве случаев это антропонимы, реже топонимы) [Бардакова, 2009], не любое использование имени выполняет лингвоэстетическую функцию. Обратимся к повести Н. Апгарян «Манюня». Свою бабушку Маня называет *Ба*, и в ее речи это не просто разговорный или «детский» вариант имени (созданный с помощью морфологического сокращения), а способ создания индивидуализированного образа бабушки в «– Так у тебя бабушки, а у меня *Ба*, – Маня посмотрела на меня с укоризной. – У *Ба* не забалуешь» или «Слово взрослого было для нас законом, и, если *Ба* не разрешала Мане названивать другим людям, значит, в этом был какой-то тайный, недоступный моему пониманию, но беспрекословный смысл» (Н. Апгарян). Использование ников в современных произведениях часто нацелено на создание метафорического образа описываемого события, а не персонажей. Так, в повести «Время всегда хорошее» А. Жвалевского и Е. Пастернак ники вводятся без указания мотивирующих признаков, например, в «То, что *Ястреб* написал мне, *Синичке*, это было просто как гром среди ясного неба» или «Я знала пару ников. *Красавица* – это Нинка, *Муреха* – это Лиза» (А. Жвалевский, Е. Пастернак). Сходную ситуацию наблюдаем и в повести О. Раина «Слева от солнца», например, в «Диггеры пока молчали, зато объявился *Паши-Мамонт*, выдав материалы по заброшенному городу Переснёво» или «Эдак будет, когда я на *Шушу* долг переведу» (О. Раин). Таким образом, только те имена собственные, использование которых нацелено на формирование художественного образа персонажа или события, можно рассматривать как выполняющие лингвоэстетическую функцию.

Частотной является и смена кода, например смена коммуникативного регистра, стиля, жанра, языка [Крысин, 2000]. Однако не любое использование смены кода является лингвоэстетическим, а только то, в ходе которого наблюдается социокоммуникативный диссонанс или искажение при смене социальных ролей, коммуникативных ситуаций или социокоммуникативных типов [Зыкова, Киосе, 2021]. Например, во фрагментах «Я полезла на форум школы» (А. Жвалевский, Е. Пастернак) и «Хай, чувачок!» (О. Раин) наблюдается переключение на сниженный разговорный стиль в использовании глагола *полезла* в составе выражения *полезла на форум* и в использовании сниженной разговорной формы приветствия *Хай*. Наблюдаем и переключения на более «высокую» социальную роль, например, в «Боря уставился на неё, сдвинув светлые, чуть заметные брови:

– Слушайте, Раиса Петровна! Вам русским языком говорят: я тороплюсь, у меня поважнее дело, чем твои котлеты. Всё! Можете идти» (Ю. Сотник). В коммуникации происходит, во-первых, смена социальной роли ученика на роль начальника (речь идет о мальчике Боре), во-вторых, смена роли сестры (сестра Рая) на роль подчиненного; изменения оформляются сменной форм дейктических местоимений *ты* на *Вы* и новацией в использовании имени собственного, *Раиса Петровна* вместо *Рая*. Обращает на себя внимание непоследовательность переключения; так, наблюдается употребление как официальной формы *Вы*, так и разговорной *ты* в *твои котлеты*, использование разговорной реплики *Всё!* наряду с официальной репликой *Можете идти*.

Исследователи обращают внимание и на иные языковые средства выразительности в произведениях детской литературы, например, на средства неологии [Костина, 2007]; однако примеры их использования более редкие, а значит, менее репрезентативные.

Оценка вариативности норм лингвоэстетики

Ввиду того, что фрагменты отличаются по количеству знаков, мы сочли возможным ориентироваться на показатели плотности средств, или частотности их использования на знак текста. Приведем в таблице (см. далее) полученные данные абсолютной и относительной активности средств выразительности.

Сравним показатели плотности в произведениях двух периодов, ориентируясь на диаграммы размаха, которые демонстрируют диапазон активности каждого из анализируемых средств, средние показатели и медиану (см. рисунок далее).

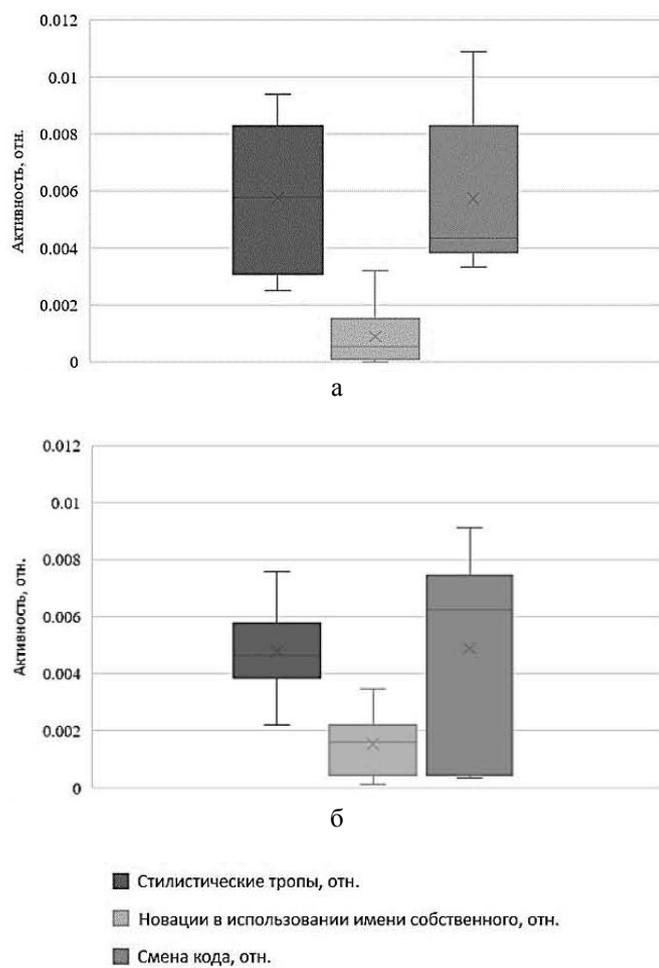
Так как количество произведений, привлекаемых к анализу, не очень велико, мы будем описывать особенности выбора и комбинации средств в терминах «установки», которые понимаем как тенденции, обнаруженные на материале данных образцов детской литературы.

В целом видно, что средняя активность стилистических тропов выше в произведениях советского периода. Размах показателей свидетельствует о том, что они распределены равномерно в шести произведениях, в то время как в произведениях постсоветского периода в одних случаях они значительно выше, а в других – ниже. Это свидетельствует о проявлении установки на большую авторскую вариативность в использовании тропов в современной литературе. Речь, однако, не идет о более частом использовании определенных видов тропов или типов лингвистической метафоры

или метонимии. Приведем некоторые примеры, демонстрирующие их присутствие в текстах обеих эпох на примере разных типов метафор: субстантивные в «– Ну куда нам такие! – *Балласт*, – согласился Лева» (Ю. Сотник) и «<...> в адрес тех, кто не дотягивал до ее уровня, она высказывалась очень резко, даже зло: “*Одноклеточные*”» (Д. Сабитова), адъективные в «Утро наступило *сверкающее*» (В. Крапивин) и «Песочные башни, рвы, ходы в подземелья – всё слилось в *глухое* <...>» (Т. Толстая), «Какая-то *фыфра обскакала* на полкилометра» (Л. Пантелеев) и «В голове в такие дни *звенела* тишина и пустота» (Е. Гришковец).

Активность языковых средств выразительности в текстах
Linguistic expressivity means in text

Произведение	Стилистические тропы	Новации имени собственного	Смена кода
Советский период			
«Новенькая», фрагмент	51 / 0,0025	2 / 0,0001	85 / 0,0043
«Райкины пленники»	35 / 0,0033	9 / 0,0008	79 / 0,0074
«Разноцветная история»	90 / 0,0094	0 / 0	32 / 0,0033
«А Воробьев стекло не выбивал»	83 / 0,0079	10 / 0,001	42 / 0,004
«Дым в рюкзаке»	125 / 0,0064	4 / 0,0002	212 / 0,011
«Журавленок и молнии», фрагмент	102 / 0,0051	64 / 0,0032	88 / 0,0044
Постсоветский период			
«Свидание с птицей», фрагмент	68 / 0,0045	8 / 0,0005	7 / 0,0005
«Начальник», фрагмент	33 / 0,0022	2 / 0,0001	5 / 0,0003
«Слева от солнца», фрагмент	152 / 0,0076	37 / 0,0018	183 / 0,009
«Манюня», фрагмент	66 / 0,0044	52 / 0,0035	102 / 0,007
«Где нет зимы», фрагмент	72 / 0,0048	21 / 0,0014	86 / 0,0057
«Время всегда хорошее», фрагмент	104 / 0,0052	36 / 0,0018	139 / 0,007

Сравнение активности языковых средств выразительности:

a – в произведениях советского периода;

б – в произведениях постсоветского периода

Linguistic creativity means
in (a) Soviet texts and (b) post-Soviet texts

В отношении смены кода ситуация сходная. Как и с тропами, средние показатели активности выше в произведениях советского периода. При этом использование смены кода характерно для всех привлеченных к анализу произведений этого периода, в то время как для некоторых произведений постсоветского периода это средство выразительности используется редко. Возможно, показатели смены кода подвержены вариативности в произведениях независимо от периода их написания в силу вариативности жанровых особенностей или особенностей возрастной адресации; однако значительно бóльшая вариативность наблюдается в произведениях постсоветского периода. Отметим, что для переключения на низкий разговорный стиль в постсоветских произведениях используются не только слова со сниженной стилистической окраской, но и вульгаризмы (например, у О. Райна – *непруха, старушенция, на фи́га, шня́га* и др.), что, конечно, не наблюдается в советских произведениях. Приведем некоторые примеры переключений на более высокий коммуникативный регистр: «Звоню как-то Димке Тузикову по телефону. – Почему не *явился* на занятия по добыванию огня трением?» (Ю. Сотник); «Хоть раз в жизни *признайся чистосердечно*, тогда тебе ничего не будет» (Ю. Яковлев); «Говорят, лет сорок назад моя бабушка была городской легендой и заказчицы приходили к ней “*по рекомендации*”» (Д. Сабитова); «в этом был какой-то тайный, недоступный моему пониманию, но *беспрекословный* смысл» (Н. Аггарян); и на низкий коммуникативный регистр: «Володьке не поверили, знали, что он *балаболка*» (Л. Пантелеев); «Я сидел не дыша до тех пор, пока Наташка не сжалилась и не утащила эти *вонючие* ботфорты на веранду» (В. Медведев); «*Короче*, если не отключать *аську*, можно весь день *трепаться*» (О. Райн).

Далее рассмотрим особенности использования новаций имени собственного. В целом размах показателей достаточно сходный, однако средние показатели и медиана выше в произведениях постсоветского периода. Полагаем, что можно утверждать наличие установки на усиление роли ономаσιологической игры, или игры с именами собственными, – в четырех из шести фрагментов повестей ее показатели стабильно высокие. Снижение показателей наблюдается в повести Т. Толстой, однако в этом фрагменте присутствуют новации с метафорическим использованием топонимов, мифонимов, зоонимов, а не только антропонимов, например, в «Перед Петей поставили огромную тарелку с рисовой кашей; тающий остров масла плавает в липком *Саргассовом море*», «Он будет сидеть на ступеньках веранды и стругать палочки для парусника, и назовет его *Летучий Голлан-*

деи» (Т. Толстая); таким образом, значимо не только количество новаций, но и их разнообразие. Во фрагменте повести Е. Гришковца новации в использовании имен собственных практически отсутствуют, но во фрагмент включены диалоги персонажей, центральной темой которых является не бытовая, а учебно-профессиональная коммуникация – возможно, это повлияло на низкое количество случаев ономастиологической игры. Во фрагментах повестей Н. Аппарян, А. Жвалевского и Е. Пастернак это повторяющиеся новации в именах главных персонажей, как, например, во фрагментах «Синичка, 10 апреля 2018 года, утро», «То, что Ястреб написал мне, Синичке, это было просто как гром среди ясного неба», «Ну и то, что я Синичка – это тоже знали буквально трое» (А. Жвалевский, Е. Пастернак). Как мы указали выше, повтор новаций снижает их лингвоэстетическую ценность, так как они становятся конвенциональными.

Выводы

Таким образом, можно констатировать, что распределение средств языковой выразительности несколько меняется как в плане активности, так и в плане размаха показателей. Небольшое снижение активности тропов и смен кода в постсоветском периоде компенсируется большей авторской вариативностью в их использовании. При этом большая активность наблюдается в новациях имени собственного. Обнаружение указанных установок дает возможность предположить, что лингвоэстетическая функция действительно проявляется по-разному в произведениях советского и постсоветского периода. Не отрицая того, что выбор средств во многом определяется вариативностью жанрово-стилистических особенностей и особенностей адресации, можно констатировать, что лингвоэстетика имеет и самостоятельное значение в эстетике детской литературы, а значит, имеет и свои нормы, определяемые в том числе лингвоэстетическими ценностями культурно-исторического периода.

Список литературы

Бардакова В. В. Ономастикон русской детской литературы // Альманах современной науки и образования. 2009. Вып. 2 (21). С. 17–19.

Бернштейн И. Детская литература советской эпохи: проблемы комментирования // Детские чтения. 2016. Вып. 10 (2). С. 105–124.

Детская литература / Под ред. Е. О. Путиловой М.: Академия, 2008. 381 с.

Детская литература сегодня / Сост. Н. В. Барковская, М. А. Литовская. Сб. науч. ст. Екатеринбург: УрГПУ, 2010. 154 с.

Долженко Л. В. Рациональное и эмоциональное в русской литературе 50–80-х гг. XX в.: Н. Н. Носов, В. Ю. Драгунский, А. Г. Алексин, В. П. Крапивин: Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2010. 394 с.

Зыкова И. В., Киосе М. И. Переключение социокоммуникативных регистров как параметр лингвистической креативности: Кинодискурс vs дискурс детской литературы // *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*. 2021. Vol. 56. Article no. 2384.

Ирисханова О. К. О понятии перспективизации в современной лингвистике // *Когнитивные исследования языка*. 2013. Вып. 15. С. 43–58.

Карпухина В. Н. Дискурс детской художественной литературы в процессах институализации общества // *Сибирский филологический журнал*. 2015. № 2. С. 248–255.

Костина Е. В. Авторские новообразования в языке отечественной детской литературы: функциональный и словообразовательный аспекты: Дис. ... канд. филол. наук. Орел: Орлов. гос. ун-т, 2007. 260 с.

Крысин Л. П. Кодовые переключения как компонент речевого поведения человека // *Речевое общение: специализированный вестник*. 2000. Вып. 3 (11). С. 61–64.

Лингвокреативность в дискурсах разных типов: пределы и возможности / Под ред. И. В. Зыковой. М.: Р-Валент, 2021. 563 с.

Москвин В. П. Русская метафора: очерк семиотической теории. М.: URSS, 2007. 182 с.

Тынянов Ю. Н. Тютчев и Гейне // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 29–37.

Фещенко В. В., Коваль О. В. Сотворение знака: очерки о лингвоэстетике и семиотике искусства. М.: ЯСК, 2014. 640 с.

Шпет Г. Г. Театр как искусство (1922) // *Искусство как вид знания. Избранные труды по философии культуры* / Отв. ред.-сост. Т. Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2007. С. 19–39.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // *Структурализм: «за» и «против»*. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

References

Bardakova V. V. Onomastikon russkoi detskoi literatury [Onomasticon of Russian children's literature]. *Al'manakh sovremennoi nauki i obrazovaniya*

[*Almanac of modern science and education*], 2009, vol. 2 (21), pp. 17–19. (in Russ.)

Barkovskaya N. V., Litovskaya M. A. (comp.). *Detskaya literatura segodnya* [Children's literature today]. Ekaterinburg, UrSPU Press, 2010, 154 p. (in Russ.)

Bernstein I. *Detskaya literatura sovetskoi epokhi: problemy kommentirovaniya* [Children's literature of the Soviet era: problems of commenting]. *Detskie chteniya* [Children Readings], 2016, vol. 10 (2), pp. 105–124. (in Russ.)

Dolzhenko L. V. *Ratsional'noe i emotsional'noe v russkoi literature 50–80-kh gg. XX v.: N. N. Nosov, V. Yu. Dragunsky, A. G. Aleksin, V. P. Krapivin* [Rational and emotional in Russian literature of 50–80s of the 20th century: N. N. Nosov, V. Yu. Dragunsky, A. G. Aleksin, V. P. Krapivin]. Diss. of Dr. Philol. Sci. Volgograd, 2010, 394 p. (in Russ.)

Feshchenko V. V., Koval O. V. *Sotvorenie znaka: ocherki o lingvoestetike i semiotike iskusstva* [The creation of a sign: essays on linguoesthetics and semiotics of art]. Moscow, Languages of Slavic Culture Publ., 2014, 640 p. (in Russ.)

Jakobson R. O. *Lingvistika i poetika* [Linguistics and poetics]. In: *Strukturalizm: "za" i "protiv"* [Structuralism: pro et contra]. Moscow, Progress, 1975, pp. 193–230. (in Russ.)

Irishanova O. K. *O ponyatii perspektivizatsii v sovremennoi lingvistike* [On perspectivization in modern linguistics]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive studies of language], 2013, vol. 15, pp. 43–58. (in Russ.)

Karpukhina V. N. *Diskurs detskoj khudozhestvennoi literatury v protsessakh institucionalizatsii obshchestva* [The discourse of children's fiction in the processes of institutionalization of society]. *Siberian Journal of Philology*, 2015, no. 2, pp. 248–255. (in Russ.)

Kostina E. V. *Avtorskie novoobrazovaniya v yazyke otechestvennoi detskoj literatury: funktsional'nyi i slovoobrazovatel'nyi aspekty* [Author's neoplasms in the language of Russian children's literature: functional and word-formation aspects]. Cand. of Philol. Sci. Diss. Orel, Orel State Uni., 2007, 260 p. (in Russ.)

Krysin L. P. *Kodovye pereklyucheniya kak komponent rechevogo povedeniya cheloveka* [Code switching as a component of human speech behavior]. *Rechevoe obshchenie: spetsializirovannyi vestnik* [Speech communication: a specialized bulletin], 2000, vol. 3 (11), pp. 61–64. (in Russ.)

Moskvin V. P. *Russkaya metafora: ocherk semioticheskoi teorii* [Russian metaphor: an essay of semiotic theory]. Moscow, URSS, 2007, 182 p. (in Russ.)

Putilova E. O. (ed.). *Detskaya literatura* [Literature for Children]. Moscow, Akademiya Publ., 2008, 381 p. (in Russ.)

Shpet G. G. Teatr kak iskusstvo [Theatre as art] (1922). In: Shchedrina T. G. (ed.). *Iskusstvo kak vid znaniya. Izbrannye trudy po filosofii kul'tury* [Art as a kind of knowledge. Selected papers on the philosophy of culture]. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., 2007, pp. 19–39. (in Russ.)

Tynyanov Yu. N. Tyutchev and Heine. In: Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetics. The history of literature. Cinema]. Moscow, Nauka, 1977, pp. 29–37. (in Russ.)

Zykova I. V. (ed.). *Lingvokreativnost' v diskursakh raznykh tipov: predely i vozmozhnosti* [Linguocreativity in discourses of different types: Limits and possibilities]. Moscow, R-Valent, 2021, 563 p. (in Russ.)

Zykova I. V., Kiose M. I. *Pereklyuchenie sotsiokommunikativnykh registrov kak parametr lingvisticheskoi kreativnosti: Kinodiskurs vs diskurs detskoj literatury* [Switching of sociocommunicative regions as a parameter of linguistic creativity: Film discourse vs children's literature discourse]. *Studia z Filologii Polskiej i Slawiańskiej*, 2021, vol. 56, article no. 2384. (in Russ.)

Информация об авторе

Мария Ивановна Киосе, доктор филологических наук, доцент

Scopus Author ID 56642747500

WoS Researcher ID AAB-7989-2019

RSCI Author ID 341964

SPIN 4419-0090

Information about the Author

Maria I. Kiose, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor

Scopus Author ID 56642747500

WoS Researcher ID AAB-7989-2019

RSCI Author ID 341964

SPIN 4419-0090

Статья поступила в редакцию 01.11.2022;

одобрена после рецензирования 10.12.2022; принята к публикации 15.12.2022

The article was submitted on 01.11.2022;

approved after reviewing on 10.12.2022; accepted for publication on 15.12.2022